

УДК 1:316.6

ГЕНДЕРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК АНДРОГИННАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРЫ

Л.М. Богатова

Аннотация

Статья посвящена исследованию культуры в андрогинистическом ракурсе. Принимая во внимание, что внутреннее строение культуры характеризуется рядом признаков, позволяющих рассматривать ее в качестве социального организма, автор полагает, что культура имеет андрогинную природу, которая проявляется в имманентной дихотомизации композиции культуры на маскулинные и феминные полоролевые структуры. В зависимости от соотношения гендерных факторов, проведена типологизация гендерных ландшафтов культуры и проанализированы характерные черты некоторых из них.

Ключевые слова: культура, андрогинный ландшафт, гендерная структура, типология.

В 1918 г. был опубликован первый том работы О. Шпенглера «Закат Европы», который сразу же вызвал огромный интерес со стороны не только научной общественности, но и самой широкой читательской аудитории. Сочинение немецкого исследователя привлекло к себе пристальное внимание как экстравагантным названием, которое по стилю не вписывалось в рамки строгой академической традиции, так и оригинальной структурной композицией, необычной терминологией, отличающейся использованием ярких метафор, но самое главное, неординарностью идей и глубиной выводов, сделанных автором. Рассуждая на тему относительно тенденций и перспектив перерождения европейского культурно-исторического процесса в цивилизационное состояние, О. Шпенглер применил оригинальную научно-теоретическую методологию, основополагающим принципом которой являлся тезис: «*Культуры суть организмы. История культуры – их биография*» [1, с. 169]. Автор был убежден, что «всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Юная, робеющая, чреватая предчувствиями душа проявляется на расцвете романской эпохи и готики. В ней – веяние весны. <...> Чем более приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным, насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты. <...> Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится – как в римскую эпоху из тысячелетнего света обратно в потемки первозданной мистики, назад в материнское лоно, в могилу» [1, с. 173–174].

В мнении о том, что культура представляет собой некое организмическое состояние, О. Шпенглер был не одинок. У него были как солидные предшественники, так и многочисленные последователи. Среди них и раннегреческие физики с их наивными антропоморфными представлениями о макрокосме, и талантливый мыслитель-энциклопедист позднего Ренессанса Дж. Вико, разделивший в хронологии исторический процесс на стадии в соответствии с возрастными этапами жизни человека, и Т. Гоббс, представляющий европейскую новременную философскую мысль, рассуждающий о государстве как об орудии утраты и подавления человека, которое можно сравнить с неким мифическим, кровожадным Левиафаном, вызывающим панический страх и ужас. В этом ряду такие мыслители, как великий И. Гете – немецкий поэт-романтик и ученый, заложивший основы учения о сравнительной морфологии органических форм, которое, по логике автора, без исключения может быть применимо ко всем организмам, в том числе и историческим; Г. Спенсер – классик современной английской философии, который, являясь лидером оригинального направления в социологии на рубеже XX века, создал оригинальную философскую доктрину, основанную на проведении прямой аналогии между отдельными структурами общества и человеческим организмом; М. Фуко – крупнейший представитель французского постмодернизма, рассуждавший «о социальном теле» в связи с проблемой властных отношений, которые, по мнению Фуко, стремятся достичь состояния, названного им «власть-знание», и обрести легитимность «для обеспечения наиболее эффективного функционирования организма во всем многообразии его жизненных функций» [2, с. 17]. Данный перечень могли бы продолжить имена многих других, не менее известных исследователей, которые не сомневались в целесообразности рассмотрения культурно-исторических феноменов в качестве особых органических образований и предпочитали анализировать культуру с позиций социоорганики.

Очевидно, что идейная близость теоретико-методологических позиций у разных авторов относительно того, что «культура морфологически представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка» [1, с. 169], возникает в истории философской мысли неслучайно. Традиция трактовки культуры в качестве феномена, находящегося в «организмическом состоянии», складывалась постепенно под влиянием ряда существенных причин мировоззренческого порядка. Большое значение для оформления представлений о культуре как об организме имело выявление объективно присущих ей свойств и характеристик, обладание которыми предрасполагает к исследованию культурно-исторического процесса с позиций социально-организмического подхода.

Культура представляет собой полиструктурное и многофункциональное образование, разнообразные компоненты которого, органично взаимодействуя между собой, порождают некую многомерную целостность, которая в полной мере обладает всем набором необходимых качеств, присущих саморазвивающимся органическим формам. Так, между отдельными структурными фрагментами культуры складывается сложнейшая цепь взаимоотношений как временно-структурно-функционального, так и причинно-следственного характера, что обуславливает процессы взаимодействия, взаимовлияния и взаимодополнения

между ее составляющими. Более того, имея многослойную внутреннюю композицию, культура, как и любой другой живой организм, обладает способностью эволюционизировать, то есть изменять свое внутреннее состояние в направлении качественного усложнения. При этом исторический опыт свидетельствует, что различные фрагменты культуры, как сложноорганизованной системы, развиваются и прогрессируют не одновременно, а в различные исторические сроки достигают необходимого уровня зрелости. Диалектика многих социокультурных процессов разворачивается крайне неравномерно, поскольку каждый из них имеет свой особый темп и динамику развития, которые могут нарастать или замедляться в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств. Наличие подобного рода свойств и характеристик позволяет рассматривать культуру в качестве такого системного образования, которое не уступает по степени сложности органическим структурам и дает весомые основания концептуально аттестовать культуру как *социальный организм*.

Оценка культуры с позиций социоорганики напрямую подводит к заключению весьма деликатного свойства. Дистанцируясь от порочной практики редукционизма однозначно интерпретировать метод аналогии и игнорировать качественную специфику более высокоорганизованных форм относительно низкоорганизованных, от чего настоятельно предостерегали представители теории систем, и в первую очередь ее основоположник А. фон Берталанфи, можно предположить, что культура не только в полной мере обладает всеми без исключения универсальными свойствами самоорганизующихся систем, а именно, изменяться, развиваться, воспроизводить, «достраивать» свои структуры и т. д., но и, как любой другой живой организм, «тело» культуры неоднородно по половому признаку, то есть характеризуется раздвоенностью на мужское и женское начало. Как любая другая органическая структура, культура обладает полодиморфическими признаками, которые выступают основными детерминантами ее андрогинной природы. Присутствие в пространстве культуры феминного и маскулинного факторов, которые по многим параметрам выполняют различную роль как в зарождении, становлении, так и в усложнении, развитии культуры, дает основания утверждать, что в своей гендерной конституции культура биполярна, она раздвояна и рассечена в полоролевом отношении, то есть по своей природе *культура – андрогин*. В данном случае, конечно же, речь не идет о прямом сходстве и подобии между социальными и органическими структурами. Социокультурная андрогинность – это особое *состояние культуры*, в пространствах которой активно и деятельно, с разным напряжением и в самых разнообразных формах проявляется доминирование либо маскулинного, либо феминного факторов, что, в конечном счете, определяет и задает ее *гендерный ландшафт*.

Рассмотрение морфологии культуры в аспекте полового диморфизма представляется достаточно перспективным направлением исследования. Это связано в первую очередь с тем, что открывается возможность представить внутреннюю «анатомию» социокультурных процессов в диалектике мужского и женского начал, на основе взаимоотношений между которыми выстраивается общая композиция гендерного ландшафта культуры, детерминируется своеобразие ее гендерных типов, задается генеральная стратегия формирования полоролевого

характера культуры, выявляются тенденции и перспективы ее дальнейшего развития. Особенно примечательно, что рассмотрение культуры в единстве двух начал – мужского и женского – не только позволяет представить культуру в определенном новом отношении, необычном андрогинистическом ракурсе, но и дает возможность значительно расширить теоретические горизонты исследования феномена андрогинизма, переводя анализ проблемы с общепринятого онтогенетического, индивидуально-личностного уровня на культурно-исторический, или филогенетический.

Согласно общепринятой научной традиции, в зависимости от соотношения мужского и женского начала во внутренней композиции культуры и преобладания одного из них над другим, гендерный ландшафт принято расслаивать на два исторических сменяющих друг друга типа – матриархат и патриархат. Однако необходимо обратить внимание на то существенное обстоятельство, что вряд ли целесообразно ограничивать дихотомизацию андрогинного «тела» культуры выделением только двух, по существу, полярных, взаимно противостоящих типов, которые явно не исчерпывают реального многообразия гендерных форм культурного ландшафта. Думается, что ландшафт культуры может быть представлен в более разнообразных разворотах и многомерных сечениях, поскольку в реалиях исторической практики взаимосвязь между мужским и женским началом раскрывается более полифонично, чем раздвоенность культуры исключительно на матриархальную и патриархальную. По мере разворачивания культурогенеза взаимодействие между феминным и маскулинным факторами проявлялось в самых разнообразных конкретно-исторических сочетаниях. Предметное обсуждение андрогинного строения культуры вполне логично подводит к необходимости спроецировать особенности такого феномена, как транссексуальность, с индивидуально-личностного уровня на общественно-исторический и настоятельно требует учитывать, что конфликтное по своему характеру несоответствие между, условно говоря, «телом» и «душой» может стать трагедией не только отдельно взятой личности, но и не менее драматично разворачиваться в пространстве культуры. В данном случае речь идет о разрыве и несоответствии между «телом» культуры или, говоря более строго, внешней формой гендерного ландшафта, которая находит выражение в различных социальных институтах и структурных образованиях, закрепляющих посредством системы санкционированного норматива доминирующее положение одного из полов, и «душой» культуры, то есть внутренним содержанием, выражающим ее ментальный характер, духовно-ценностное своеобразие и неповторимость.

В этой связи вполне правомерно, на наш взгляд, выделить такие андрогинные разновидности гендерного ландшафта, как *матриархат феминного и маскулинного* типа и, соответственно, *маскулинный и феминный патриархат*. Причем рафинированные, «чистые» формы, гармонично сочетающие внешнюю форму и внутреннее содержание, основанные на предельно полном совпадении и совмещении, то есть *феминный матриархат и маскулинный патриархат*, представляется возможным категориально обозначить как ландшафты *матримониального и патриимониального* типа.

Многотысячный временной массив предоставляет для современной науки богатейший материал для проведения подробнейшей систематизации гендерных

ландшафтов культуры, отличающихся поразительным разнообразием конкретно-исторических форм. Не вникая в детали и подробности ретроспективного экскурса, связанного с исследованием древнейших матриархальных культур, чем с успехом занимаются палеоэтнографы, представители социальной антропологии, а также специалисты по первобытной истории, в рамках данного теоретического сюжета обратим внимание на русскую культуру, которая по своему строению может служить ярчайшей иллюстрацией такой разновидности гендерного ландшафта, как патриархат феминного типа.

Тема «таинственного противоречия», доходящего до трагического разрыва между мужественным и женственным в «русской душе», лейтмотивом проходит в творчестве многих русских мыслителей, которые полагали, что по складу своего характера Россия «по-женски мягкотела, податлива, пассивна, слабовольна». Имея вековые патриархальные устои и глубоко укоренившиеся традиции, связанные с почитанием мужчины в образе отца, мужа, сына, брата, что восходит к истокам формирования славяно-русского национального характера, Россия, по выражению Н.А. Бердяева, так и не обрела «мужественного и выточенного профиля» [3, с. 11]. «В самых недрах русской души, – продолжает автор, – обнаруживается вечно-бабье, не вечно-женственное, а вечно-бабье. И это “бабье” чувствуется и в самой России» [3, с. 33]. Все беды и неудачи России, величайшие трагедии в ее истории русские мыслители склонны были усматривать «в женской пассивности, переходящей в “бабье”, в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем» [3, с. 41]. Как удивительно тонко и образно подмечал Н.А. Бердяев, «Россия невестится, ждет жениха, который должен придти к ней из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею» [3, с. 19]. Подчеркивая значимость для исторической судьбы России онтологического разрыва и противостояния между мужественностью и женственностью, Н.А. Бердяев писал: «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самой безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократией, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни? Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все русское бытие. Здесь скрыта тайна русской истории и “русской души”» [3, с. 12].

Напротив, в западноевропейской культуре, «замешанной на дрожжах протестантской идеологии», которая взращивает деятельную, активную и инициативную личность, ощущается перевес в сторону мужественного начала. По оценке Н.А. Бердяева, «на Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли и строение души» [4, с. 8]. Рассуждая на тему преобладания мужественности в «пейзаже западноевропейской души», русский мыслитель прежде всего указывал на Германию, с которой у России исторически сложились «непростые, запутанные отношения». «Германская раса – мужественная, самоуверенно и ограничено мужественная. Германский мир чувствует женственность славянской расы и думает, что он должен владеть этой расой, и ее землей, что только он силен сделать эту землю культурной» [3, с. 20].

Национальный дух немецкой нации настолько мужественен и воинственен, что «без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. <...> Германец чувствует, что его не спасет Германия, он должен спасти Германию». «География русской души» – иная. «Русский думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым». Поэтому судьбоносная миссия России заключается в том, чтобы «Россия осознала себя, стряхнула с себя бабью пассивность, разбудила в себе мужественные силы и почувствовала себя призванной к великим делам в мире. Нужно наконец-то раскрыть в себе мужественный лик» [3, с. 20], – настоятельно призывает автор, измученный болью и страданием за историческую нереализованность колоссальных сил, дремлющих в недрах «русской души».

Рассмотрение русской культуры в аспекте ее транссексуальных характеристик, выражающих несоответствие между патриархальным по типу «внешним обликом» и женственной «русской душой», в которой раскрываются сокровенные духовно-нравственные особенности славяно-русского национального характера, достойно стать предметом самостоятельного исследования. Здесь же отметим, что, несмотря на существенные функциональные различия, которые имеют место в положении мужского и женского пола в конкретно-исторической фактуре социокультурной практики, в онтологическом смысле в качестве взаимопротивостоящих, но неразрывно взаимосвязанных сторон андрогинной целостности феминный и маскулинный факторы между собой совершенно равноценны и равнозначны. Каждый из них в равной степени имеет отношение к выстраиванию уникальной конституции культуры, к формированию ее неповторимого гендерного ландшафта. По этой причине при изучении культур с ярко выраженной патриархальной ориентацией совершенно недопустимо ограничиваться в предпочтениях исключительно ролью маскулинного фактора и игнорировать, сбрасывать со счетов влияние феминного фактора. В силу природной пластичности, последний обладает способностью проявляться в неявной, завуалированной форме, что затушевывает, скрывает и ловко маскирует *транссексуальный* характер тех или иных культур лежащими на поверхности патриархальными структурами, не выражающими истинной сущности всей целостной композиции. В этой связи необходимо иметь в виду, что категорично и однозначно определить характер андрогинного по своей природе гендерного ландшафта культуры не такая простая и самоочевидная задача, как может показаться на первый взгляд. Феминный фактор при всей, на первый взгляд, незаметности, находясь в тени маскулинного лидерства, тем не менее, может оказывать сильнейшее воздействие на внутреннее состояние различных социокультурных процессов и привносить особый колорит в живописность гендерного ландшафта культуры, придавать ему женственный неповторимый облик.

Summary

L.M. Bogatova. The Gender Landscape as Androgynous Paradigm of Culture.

The article is devoted to the research of culture through an androgynous prism. Taking into consideration the cultural interior construction being characterized by a number of indications allowing to view it as social organism, the author supposes that culture has androgynous nature which is displayed in immanent dichotomization of cultural composition into masculine and feminine gender-role cultures. Depending on gender factor proportion, a typology of gender landscapes of culture is presented, and some of their features are analyzed.

Key words: culture, androgynous landscape, gender structure, typology.

Литература

1. *Шпенглер О.* Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.
2. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Унив. книга, 1997. – 576 с.
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. (Опыт по психологии войны и национальности). – М.: Мысль, 1990. – 208 с.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

Поступила в редакцию
01.07.08

Богатова Лариса Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань.